

ЕвроПРО и Россия: Остались ли шансы для диалога?

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 457

Январь 2017 г.

Полина Синовец

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Официальный запуск румынского участка европейской системы ПРО на базе Девеселу спровоцировал в России новую волну антизападной риторики. Президент Владимир Путин заявил, что развёрнутая в Румынии и запланированная в Польше система ПРО является не оборонным элементом Европы, но частью стратегического ядерного потенциала США. Таким образом, Москва будет вынуждена «подумать о том, чтобы купировать угрозы в отношении российской безопасности».

Оценка серьёзности российских угроз, а также возможностей к взаимному диалогу требует чёткой дифференциации между политической и технической составляющими российской позиции. Политические элементы преимущественно определяются двумя факторами. Во-первых, это логика нарастающего противостояния между Россией с одной стороны и США/НАТО с другой (включая позицию о том, что диалог с нынешней президентской администрацией США невозможен и бесполезен). Во-вторых, необходимостью российской внутренней политики представить образ внешнего врага.

Технический элемент определяется традиционной приверженностью российских военных принципам стратегического сдерживания, вопрос в частности ставится о способностях будущей системы блокировать российский ударный ядерный потенциал и соответствующих временных сроках (данный параметр определяет степень остроты российской реакции). Ещё один элемент военно-технического противостояния России и НАТО касается уже конвенционных высокоточных вооружений. Этот элемент является

достаточно новым в давнем противостоянии РФ и США по вопросам противоракетной обороны.

Целью данной статьи является анализ российской позиции, в частности убедительности угроз российского руководства, а также исследование путей адекватного реагирования на них. Также, ставится вопрос о возможности диалога между РФ и США по данному вопросу. В данном контексте следует отметить, что многое будет зависеть от новой администрации США, однако ПРО пока что остаётся одним из тех вопросов, по которым демократы и республиканцы придерживаются единой позиции - не допускать внешнего вмешательства и подписания обязывающего юридического соглашения по ограничению будущих возможностей системы ПРО.

Истоки российской позиции

Конфронтации между Россией и США уже более 35 лет. Фактически она началась с момента выдвижения Соединёнными Штатами проекта Стратегической обороны инициативы (известной как «Звёздные войны»), которая была запущена президентом Рейганом и пережила несколько изменений программы строительства ПРО. В течение этих лет позиция РФ сохранялась в рамках логики взаимного сдерживания, заложенной в Договоре о ПРО 1972 года, который [Москва всегда называла](#) «краеугольным камнем стратегической стабильности».

Нынешняя стадия российско-американского спора началась в конце 1990-х, когда Вашингтон развернул широкую, прежде всего внутреннюю дискуссию о строительстве национальной системы ПРО. Ситуация перешла из острой дискуссии в открытое неприятие (со стороны Москвы) в момент выхода США из Договора о ПРО в 2002 году и заявления администрацией Буша-младшего о намерении США разместить стратегические системы ПРО (Ground Based Interceptors, GBI) в Венгрии и Чехии в 2004-2008 годах. Москва никогда не принимала официальных причин размещения – Иранской ракетной угрозы – и расценивала действия США как попытку нейтрализовать российский ядерный щит. Москва всегда подвергала сомнению заверения США в том, что система останется ограниченной, настаивая на юридически обязывающих

гарантиях в рамках официальных ограничений на технические возможности и размещение Европейской системы ПРО.

Ситуация несколько улучшилась в 2009 году, когда США отказались от стратегической системы ПРО GBI в Европе в пользу Фазового адаптированного подхода (РАА), который предполагал развёртывание ПРО театра военных действий и теоретически не угрожал стратегическим возможностям российских МБР. Первые три этапа плана (размещение систем «Aegis» в Румынии и в Польше, а также на военных кораблях в Средиземном и Балтийском морях) спровоцировал относительно умеренную критику со стороны российских военных. Наибольшую озабоченность вызывал четвёртый этап (размещение перехватчиков «Standard Missile-3 (SM-3) ПВ в Польше), поскольку по утверждениям Москвы он мог угрожать её ракетным стратегическим возможностям. В 2013 году вследствие ядерного испытания, проведенного КНДР, США отказались от четвёртой стадии плана, отдав предпочтение развёртыванию дополнительных перехватчиков на собственной территории. При этом было принято решение ограничить европейский контингент ПРО до перехватчиков SM-3 ПА с нестратегическими возможностями. В ответ Москва вновь выразила своё разочарование. Основной причиной оставалось отсутствие официальных юридических ограничений, которые бы гарантировали что в будущем Европейская система ПРО не сможет подорвать российских стратегических наступательных возможностей относительно США.

Российские усилия по «восстановлению стратегической стабильности» оказались довольно предсказуемыми. Москва активно разрабатывает новое поколение ракет, способных к прорыву систем ПРО. Большинство её программ были начаты ещё в годы «холодной войны», когда СССР широко инвестировал в создание средств прорыва систем ПРО в ответ на американскую программу SDI. В частности, новые российские МБР «Ярс» и «Сармат» оснащены множественными боеголовками индивидуального наведения, каждая из которых способна менять траекторию. Также для «Сармата» разработано топливо, обеспечивающее сверхзвуковую скорость ракеты, что потенциально сократит активную фазу её траектории. Такие усовершенствования рассчитаны на повышение способности ракет к «обману» систем ПРО.

В то время как военно-технический компонент российской позиции (забота о стабильности стратегического сдерживания) остаётся относительно неизменным в течение многих лет, политические трения значительно возросли по мере роста ракетных возможностей Запада. Последние представляют собой достаточно далёкий, почти теоретический вызов, сегодня, однако, раздутый российским руководством и СМИ до почти апокалиптических размеров. Данная тревожность имеет под собой ряд причин. Первая состоит в том, что высокий уровень восприятия угрозы Российской стороной основан на глубоком чувстве уязвимости и общей геополитической интерпретации международных событий. Россияне всё ещё чрезмерно доверяют геополитическим концепциям Халфорда Маккиндера, который видел в Евразии «хартленд» стратегической территории, обладание которой может дать ключ к мировому господству. Таким образом, Москва предполагает, что её ослаблению будет сопутствовать шантаж (со стороны превосходящей по силе державы), либо же она будет завоёвана Западом с целью захвата «хартленда». Другой причиной являются усилия Кремля обеспечить стабильность внутри страны, представив российской публике НАТО, и в особенности США, в качестве основного врага. Фактически, развёртывания вооружений НАТО в Европе усиливают путинский режим, питая пропагандистские заявления о том, что именно Запад начал агрессивные приготовления вблизи российских границ. Таким образом, все проблемы внутреннего и международного развития (включая гонку вооружений и российские военные авантюры) оправданы «борьбой Кремля со стремлением Америки к мировому господству».

Новые военные средства

Россия размещает высокоточные вооружения, способные к уничтожению европейских и систем ПРО. Данная идея была озвучена в речи премьер-министра Медведева, в которой он официально заявил о возможности размещения в южной и западной частях России «ударных систем вооружений, обеспечивающих огневое поражение европейского компонента ПРО».

Оценивая логику российской позиции, следует отметить очевидное сходство её аргументации с аргументацией против стратегической обороны, а именно: данные элементы ПРО теоретически способны подрвать возможности России к удару по европейской части НАТО. Данный контингент приобретает ещё большую значимость, учитывая размещение Россией обычных вооружений большого радиуса действия, способных изменить сценарий: США и НАТО применяют против России высокоточные вооружения с большой дистанции.

И хотя элементы ПРО, размещённые в Румынии и Польше навряд ли будут эффективными против российских стратегических ракет, они вполне применимы против систем театра военных действий. В частности, официальные российские заявления содержат обвинения в том, что вертикальные пусковые установки МК-41 предназначенные для систем SM-3 могут быть использованы для пусков крылатых ракет, что в перспективе повлияет на возможности российских высокоточных вооружений.

Блокирование возможностей российских конвенционных высокоточных вооружений может стать настоящим вызовом НАТО: нынешние системы ПРО не рассчитаны на перехват крылатых ракет, таких как КРМБ «Калибр» либо КРВБ «Х-101». Оба вида вооружений были успешно продемонстрированы Москвой в ходе военной операции в Сирии. В частности, расположенные в Девеселу (Румыния) системы ПРО могут быть приспособлены для перехвата «Калибров», развёрнутых на базах в Чёрном море (откуда они способны поражать цели по всей Европе), однако данная миссия потребует серьёзных исследовательско-конструкторских работ для её успешного достижения. *На данный момент ожидается, что Россия разместит «Калибр» на своих морских базах в Севастополе и Новороссийске для поражения румынского участка ЕвроПРО в Девеселу. Успешному размещению «Калибров» может сопутствовать размещение КРВБ «Х-101\102» с конвенционными либо ядерными боеголовками, а также ракетных систем «Искандер» в Калининграде. Последние будут способны к поражению любого объекта на территории Польши и Германии, а это означает, что Европейские системы ПРО окажутся под угрозой и потенциально смогут быть уничтожены.*

В свою очередь РФ достаточно давно разрабатывает собственные системы ПРО. Её системы С-300 and С-400 равно как и системы более низкого уровня перехвата (такие как «Редут», всё ещё обладающие некоторыми техническими проблемами) разработаны для блокирования возможностей НАТО к поражению целей на территории России. Россия успешно испытала данные системы против бомбардировщиков и ракет включая крылатые (работа над данным проектом началась в 1980-е) и по мнению Москвы её системы на данном этапе как минимум равны по эффективности натовским. Российская противоракетная и противовоздушная оборона были созданы для защиты против конвенционного превосходства США/НАТО. Данная проблема видится Москвой как первоочередная относительно вопроса ПРО. На сегодняшний день обе стороны обладают конвенционными вооружениями большого радиуса действия и оборонными системами.

Необходимо отметить, что на данный момент не существует договоров на ограничение развития обычных вооружений большого радиуса действия либо систем ПРО. Такой правовой вакуум создаёт широкие возможности для гонки вооружений. В то же время, США и Россия могли бы начать диалог об ограничении на системы ПРО и высокоточные обычные вооружения в рамках одного пакета, что позволило бы в перспективе избежать массовой гонки вооружений.

Возможные меры по уменьшению взаимной напряжённости

Нынешний уровень диалога между Россией и США позволяет осуществить две возможности.

Первая возможность направлена на постепенное сворачивание гонки вооружений, которая только вступает в свою горячую фазу и потенциально усилится с размещением российских ракет и систем ПРО вдоль границ с НАТО (в Крыму и в Калининградской области). В ответ, как предполагается, НАТО осуществит аналогичные шаги, усилив наступательный и оборонительный элементы своей стратегии сдерживания. Потенциально можно предвидеть несколько шагов, которые Запад может использовать для торга с Россией. Впрочем, каждый из них содержит долю риска:

(а) НАТО может сделать акцент на усиление возможностей своих систем ПРО с целью предания им технической способности перехвата российских обычных ракет дальнего радиуса действия (нацеленных на Европу). Потенциально такая угроза могла бы стать элементом торга с целью ограничения дальнейшего развёртывания военной инфраструктуры Москвы.

(б) другой угрозой, которой НАТО могла бы попытаться манипулировать, является возможность приближения американского тактического ядерного оружия к российским границам (имеется в виду территория Польши либо Балтийских государств, к примеру) для противодействия размещению «Искандеров» в Калининградской области.

(с) Украину и Грузию могли бы привлечь для размещения на их территориях военных контингентов НАТО. В данном случае военное сотрудничество с этими государствами стало бы некой разменной монетой в диалоге с Россией.

Основной риск выше перечисленных вариантов состоит в том, что любые действия подобного рода способны не сдерживать, но спровоцировать Российскую наступательную политику и размещение вооружений. Военные инициативы обеих сторон на данном этапе, как представляется, скорее подталкивают гонку вооружений.

Другой широкий вариант это попытаться возобновить инициативы по контролю над вооружениями, как это произошло в 1960е, когда уровень биполярной конфронтации представлялся беспрецедентным.

Как представляется, сегодняшний высокий уровень боеготовности России и НАТО способствует установлению парадокса стабильности-нестабильности, согласно которому невозможность большой войны нейтрализуется ростом наступательных и оборонных возможностей конфликтных сторон. А последнее, в свою очередь, повышает шансы эскалации конфликта (ситуация, аналогичная периоду «холодной войны»).

В данной системе явно не хватает режима контроля над вооружениями. И если ситуация останется неурегулированной, существует высокая возможность полномасштабной гонки вооружений, которая приведёт к непреднамеренному «горячему» конфликту. Москва продолжает требовать конкретные ограничения на

системы ПРО и конвенционные вооружения большого радиуса действия – Запад мог бы использовать данный интерес для переговоров. Как представляется, в достаточно близком будущем по мере роста собственных конвенционных возможностей (если этого ещё не случилось), Россия может потерять интерес к таким переговорам. Первым шагом, вероятно, должно быть обсуждение сокращений конвенционных вооружений большого радиуса действия, причём успеть надо до того, как Россия наладит их массовое производство. Это относится не только к «Калибру» либо «Х-101/102», но и к судьбе тактических ЯО, по количеству которых Россия имеет решительное преимущество в Европе. Если НАТО официально пойдёт на какие-то ограничения по развитию ПРО, Россию, возможно, заинтересует дальнейший диалог за столом переговоров.

Вывод

В данный момент перспективы контроля над вооружениями выглядят достаточно бледно. Ни одна из сторон не готова на серьёзные дискуссии и уступки по интересующим вопросам. НАТО поглощена сдерживанием России и лишь говорит о сотрудничестве. Россия, в свою очередь, призывая к контролю над вооружениями, также выглядит неискренне, ибо всерьёз занята укреплением собственного потенциала сдерживания. Более того, серьёзные успехи России в области исследования и разработки вооружений, делает её значительно менее заинтересованной в контроле за ними. В прошлом Россия активно настаивала на включении конвенционных вооружений большого радиуса действия в переговоры, сегодня же такой активности не наблюдается. Нынешняя гонка вооружений раскручивается уже ни один год, и будучи подогретой украинским конфликтом, имеет весьма слабые шансы на ослабление. Однако обе стороны, при наличии политической воли, всё ещё способны понизить интенсивность конфликта.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
● TO RESEARCH AND
E U R A S I A ● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org